

STUDIA PHILOLOGICA

SERIES MINOR

В. К. ЗУБАРЕВА

ТАЙНОПИСЬ

БИБЛЕЙСКИЙ КОНТЕКСТ
В ПОЭЗИИ
БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ
1980-х — 2000-х ГОДОВ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ГЛОБАЛ КОМ
Москва 2017

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=2Рус) 6
3 91

Издание спонсировано проектом «Русское безрубежье»
<http://litved.com/>

Зубарева В. К.

3 91 Тайнопись. Библейский контекст в поэзии Беллы Ахмадулиной 1980-х — 2000-х годов. — М.: Языки славянской культуры: Глобал Ком, 2017. — 224 с. — (Studia philologica. Series minor).

ISBN 978-5-990-5762-3-0

Исследование посвящено поэзии поиска Присутствия в стихах Беллы Ахмадулиной 1980-х — 2000-х гг. Обращаясь к неизречённой реальности и сделав её имплицитным сюжетом своих произведений, Ахмадулина разработала жанр, который можно назвать неизречённым реализмом. В поэзии Ахмадулиной неизречённый реализм вырастает из фактов её биографии, реальных дат и событий, вглядываясь в которые, она пытается обнаружить связь с Присутствием. Метод, которым она пользуется, — метод тайнописи — позволяет ей создавать многоуровневую систему, в которой таинство угадывается в обыденном и реалистичном. Этот метод поэтесса некогда сформулировала так: «Чужда я притязаний и повадок — / коснуться высших таинств напрямик».

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=2Рус) 6

*В оформлении переплета использованы фотографии
из архива автора и работа И. Френкель «Эксперимент» (1998)*

ISBN 978-5-990-5762-3-0

© В. К. Зубарева, 2017
© Языки славянской культуры, 2017
© Глобал Ком, 2017

Содержание

Предисловие. Неизречённый реализм в поэзии Беллы Ахмадулиной.....	9
--	---

Тайна дня: семантика календаря поэзии Беллы Ахмадулиной 80-х годов

Бабочки и февраль	19
День: 12 марта 1981 года	24
Дни февраля: три сюжета в поэме Беллы Ахмадулиной «Род занятий».....	35
Сюжет первый. Сретенье с Пушкиным.....	36
Две даты: сюжет	36
Ванька-мокрый, луна и заря в сюжете смерти Пушкина.....	38
Сюжет второй. Сретенье небесных светил: библейский план поэмы «Род занятий»	48
Сюжет третий. Запечатлеть Присутствие: в мастерской Беллы Ахмадулиной.....	53
Рабство и независимость.....	54
«Восторги чистых дум»	57
«Живи один».....	59
«Единственность предмета»	60
Освобождение от гештальта: распредмечивание и называние	61
Позиционный стиль	65

Разомкнутость на вселенную.....	70
Творчество как богообщение.....	70
Возврат к «юной старине».....	71

Тайна пространства: обретение сакраментальных координат

«Что с небосводом?»	78
Путь в Тарусу: духовные странствия	87
Движение к Субботе.....	88
Друг столб.....	88
«Ночь на 30-е апреля»	92
«Суббота в Тарусе»	94
Круг, вертикаль и Палама.....	99
«...и храм Свети-Цховели», две родины в поэзии Беллы Ахмадулиной.....	101

Тайна тварного мира

«Я в таинствах подозреваю сад...»	119
«Соседка капля — капле не близнец...»	128

Тайна зеркальных дат: промельк Пушкина

Принцип зеркальности в цикле Беллы Ахмадулиной «Глубокий обморок»	141
Пробуждение	142
«Как труп в пустыне я лежал...»	144
«И он мне грудь рассёк мечом...»	147
«И он к устам моим приник...»	153
«Моих ушей коснулся он...»	157

«Вещие зеницы»	160
«Шестикрылый серафим».....	165
Кимры, метаморфозы и числовая символика воскресения	169
«Чтоб сердцем возлетать во области заочны...»	170
Возвращение	174
Судьба как зеркальное отражение.....	175
«Я утаю и не предам перу»: предсказание ухода	178

**Встречи с Беллой Ахмадулиной:
три эссе**

История двух автографов	187
«Я вышла в сад...»: встреча в Филадельфии	196
«И всегда, и везде»: письмо из занебесья. История третьего автографа.....	205
Литература	215

ПРЕДИСЛОВИЕ

Неизречённый реализм в поэзии Беллы Ахмадулиной

Думается, главное в поэзии Беллы Ахмадулиной ещё нуждается в проникновении. В эссе, рецензиях, статьях и заметках о её необычной образной системе, своеобразии поэтического самоизъявления [Губайловский 2001], вызывающего то нареkania, то восхищение со стороны критики [Куллэ 1997], о тематической направленности [Винокурова 1995], о стилистике и пушкинской традиции [Михайлов 1973] тайнописный фундамент остаётся в тени.

Говоря об особенностях воздействия поэтического мира Ахмадулиной на читателя, А. Михайлов отмечает: «В нём не то чтобы уютно и непринуждённо, нет, без вечернего костюма туда не войдёшь и в кресле не развалишься, но ощущение собственной значительности остаётся, потому что атмосфера стихов обязывает быть и тонким, и изысканным, и умным» [Михайлов 1986: 427]. Из чего же соткана эта атмосфера, почему она несёт в себе ауру значимости, почему не разочаровывает изысканного читателя, понимающего разницу между словесными упражнениями и высоким искусством?

Задаваясь этими вопросами, я и начала работу над книгой. История её появления описана в одном из трёх эссе, помещённых в конце, и должна признаться, она не менее таинственна для меня, чем тексты, о которых пойдёт речь. Наверное, так и должно быть, если автор стихов и толкователь находятся на одной волне. Иначе уйдёт

целостность, а с нею и тайна, ради постижения которой и писались стихи. Вопросы стиля, своего голоса и всего того, что стало предметом обсуждения в критике, мало волновали Ахмадулину. Как поэт она была самодостаточна. Лица необщее выражение было дано ей от природы, она не придумывала себя, не изобретала свой стиль и голос. Она лишь анализировала этот дар, размышляя о том, откуда он, куда ведёт её и зачем.

Её поэзия — это прежде всего поэзия поиска Присутствия, следы которого нужно угадывать в малом. Имея всё то, о чём может только мечтать поэт, Ахмадулина не растрачивала перо на поделки в духе времени, а искала то, на чём выросла русская литература и без чего не могло состояться ни одно значительное произведение искусства.

Взор её был обращён в высь, о чём бы она ни писала. Там она искала ответы, и собственные писания, как она признавалась в письмах, проясняли ей то, над чем она размышляла. Неизречённая реальность присутствует вторым планом в её стихах, формируя имплицитный сюжет¹. Поэтому я рискну назвать жанр, в котором она работала, *неизречённым реализмом*, имея в виду, что он восходит к Таинству, чьё незримое присутствие выводится из событий жизни, зачастую автобиографических. Лирическая героиня Ахмадулиной — не маска, не выдумка. Ирина Роднянская предложила другой термин для лирического героя — художественный двойник поэта [Роднянская 1981]. На мой взгляд, он как нельзя лучше определяет ситуацию в поэзии Ахмадулиной. Её лирическая героиня и впрямь является художественным двойником своего автора.

События, легшие в основу подавляющего большинства стихов Беллы Ахмадулиной, происходили на самом деле.

¹ Термины «имплицитное пространство» и «пространство действия» предложены мной в книге по чеховскому творчеству [Ulea 2002: 23].

В книге «Кимры в тексте» Владимир Коркунов обстоятельно знакомит читателя с реальными героинями некоторых стихотворений «Глубокого обморока» (1999), показывая, что Ахмадулина сохранила их имена, черты и даже особенности взаимодействия с окружающим миром (вечно разбивающаяся посуда в руках нянечки Татьяны — одна из таких забавных особенностей). Обо всём этом вкратце повествует и сама Ахмадулина в письме к Наталье Ивановой [Ахмадулина 2001]. Разумеется, работая над циклом, Ахмадулина не ставила перед собой задачи с фотографической точностью воспроизвести все детали и лица. Кое-что в образах её кимрских героинь перемешивается и даже иногда «перепутывается». Но суть не в отдельных отступлениях от действительности, а в общей тенденции по возможности сохранить реальность, чтобы разгадывать в ней неизречённость. Этот художественный приём вырос из её личного способа толкования событий. В письме к В. И. Коркунову от 20.12.1999 г. она пишет: «...в ночь накануне посылки я упоминала Шишкова и Плетнёва и утром солнцеморозного дня обрадовалась газете как письму от Пушкина, пусть не мне, но хотя бы Шишкову» [Коркунов 2016]. Письмо от Пушкина... Так она читает и увязывает обе реальности.

Тайнодержавной власти тайнодержец,
таинственно, утайкою, тайком
он предавался тайнописи — дескать,
не дело всех, о чём она, о ком.

(«Я и ночь и Галактион»)

Эти строки из посвящения Галактиону Маргвелашвили, чьи стихи переводила Белла Ахмадулина, можно в равной степени отнести и к ней самой.

Художественный метод Ахмадулиной позволяет ей создавать систему, где Таинство проникает все уровни текста. Своё поэтическое кредо она сформулирует так: «Чужда я притязаний и повадок — / коснуться высших таинств на-

прямик» («Прегрешения вольные и невольные», 1999). Ахмадулина делает Присутствие дыханием текста. Высказывание блаж. Августина о евхаристических хлебе и вине («Они именуются Таинствами, так как в них одно обращено к видению, а другое — к постижению») приложимо и к литературному произведению, в котором образ зримый направлен на услаждение, а сокрытый — на постижение. Этот двусторонний принцип Таинства и лёг в основу образной системы Ахмадулиной, где игра видимого и невидимого строится на ассоциативных рядах, сложных и разветвлённых, формирующих имплицитный сюжет её стихов.

Стиль повествования, который она избирает, зачастую строится на недомолвках, намёках, рассчитанных на посвящённого, или утаивании («я утаю и не предам перу»). Этот конспиративный тон невольно ассоциируется с временами прослушивания, с осведомлённостью о присутствии провокатора, сотрудника в штатском или цензора. Для обсуждающего запретную тему веры угроза вполне реальная. Отсюда кодирование меседжей, стремление выдать одно за другое. Но исторический аспект не является единственным обоснованием стиля. Не является он и превалирующим. Он существует параллельно с принципом, сформулированным Ахмадулиной. И если исторический принцип остаётся приметой времени, то другой является вневременным.

В отличие от тайны, которая поначалу не явлена, но объявлена, а в конце может быть раскрыта, Таинство имеет «внешний и видимый знак внутренней и духовной благодати» (Катехизис). Движение к нему идёт через явленное, данное в ощущениях. Явленное может быть воспринято как единственная реальность теми, кто не в состоянии почувствовать за ним других вибраций. Для того же, кто настроен на волну Таинства, зримая сторона предстаёт путеводным знаком. При этом постижение не предполагает окончательного раскрытия и разгадывания Таинства и связано исключительно с процессом погружения в него.

В статье о современной духовной поэзии Ирина Роднянская подчёркивает, что «встреча с духовной реальностью Присутствия, притом нередко встреча внезапная, способна вызвать в пишущем такое экзистенциальное содрогание, которое никак нельзя отрешить ни от личной эмоции, ни от воображения, ни от “плоти и крови”, облекающих собственное, остро ощутимое “я”» [Роднянская 2011]. Подобные встречи составляют имплицитный сюжет стихов Беллы Ахмадулиной. Но только имплицитный. Её поэзия не относится к жанру духовной, которая во многом *библиоцентрична*, т. е. вращается вокруг библейских образов и метафор. В её произведениях сложно отыскать отсылки к библейским или апокрифическим текстам. В нашей частной беседе с Борисом Мессерером он подчеркнул, что «Белла никогда не *религиозничала*», имея в виду церковность. Об этом же говорит и она сама в интервью газете «Московский железнодорожник»: «Утешением человеку может быть чистая и ясная вера в Бога. Я не церковный человек, не принадлежу к прихожанам, но без веры в Господа не понимаю жизни» [Ахмадулина].

Встреча с духовной реальностью Присутствия в стихах Ахмадулиной напоминает то описание природы, то живописание события и зачастую остаётся достоянием поэта, а не читателя. Для читающего первый, явленный, план её стихов гибнет «огромность встречи». И тогда читатель либо завороженно слушает её, как слушают диковинную птицу, не пытаясь увязать в смыслы звуки, проливающиеся из её гортани, либо удовлетворяется малыми привязками к общим темам любви, разлуки, одиночества и пр. Ахмадулину это нисколько не беспокоит. Она работает по принципу «имеющий уши да услышит».

В её поэзии зрелого периода природа и космос играют роль посредника между человеком и Создателем, являясь «зеркалом Бога», отражающим духовное измерение. В соответствии с этим развивается метод Ахмадулиной, направленный и на зримую, и на скрытую сторону вещей и явлений.

Зримая сторона услаждает «слух, и нюх, и взгляд», отражая «внешний и видимый знак» «духовной благодати». Это библиотека Откровений её художественного двойника, разглагольствующего в картинах восхода и заката, цветения и засухи, заснежья и лунности вечное Присутствие.

Ахмадулина — поэт Нового Ренессанса, тайно возрождавший в годы репрессированной веры идею свободы, идущей от Вседержителя, а не лучшего правителя. «Белла была одной из немногих живших во времена тотального атеизма, но говоривших и писавших о Боге, как о вневременном идеале, к которому должна стремиться каждая душа, жаждущая света истины и противящаяся злу», — писал Борис Мессерер в своём обращении к членам оргкомитета и жюри Международной премии имени Беллы Ахмадулиной [Сутулов-Катеринич 2012]. Примеров подобного бесстрашного поведения Ахмадулиной, когда она прилюдно ставила Бога выше правителя, достаточно много в её биографии. Давая интервью газете «Бульвар Гордона», Ахмадулина, в частности, вспоминает следующий эпизод:

Когда обсуждали «Раковый корпус», я вошла в дверь маленького зала заседаний и увидела, как понуро сидел Александр Исаевич. Председатель, обращаясь к нему, сказал: «Товарищ Солженицын, надеюсь, что вы учтёте все замечания критиков и организации. На этом собрание закрыто». Я вмешалась: «Позвольте одно слово». Мне кивнули: «Белочка, ну скажите». Тогда я громко произнесла: «То, что здесь говорили, — вздор. Пусть Бог хранит Александра Исаевича, и всё тогда обойдётся». Стенографистка тайком записала мои слова, и так это стало известно... [Ахмадулина 2009б].

Основное внимание в книге уделяется толкованию тайнописи как художественного метода Ахмадулиной. Оно требует не только аналитических способностей, но прежде всего объёма знаний, адекватного знаниям поэта. Всякий,

у кого возникнут сомнения в том, знала ли Ахмадулина в действительности всё то, на что наталкивает чтение её произведений, может быть уверенным в том, что знала, и даже гораздо больше, чем это может подметить критик или литературовед. В интервью «Известиям» она признаётся: «Обстоятельства так сложились, что я успела много прочесть. Того, что было издано прежде, и того, что нельзя было читать» [Ахмадулина 2006а]. Каждая мини-поэма, каждый цикл стихотворений Ахмадулиной включает в себя исторические аллюзии. О её работе над циклом «Глубокий обморок» и, в частности, над стихами, посвящёнными Кимрам, Владимир Коркунов пишет: «...факты, послужившие основой текста, не лежат на поверхности, для их понимания и осмысления необходим подробный исторический комментарий (минимальный контекст)... Исторические мотивы проникли в текст благодаря краеведческим книгам, которые санитарки Боткинской больницы привозили поэту» [Коркунов 2015: 118].

Объём её знаний восхищает, но ещё больше восхищает глубина понимания и концептуальность мышления, присутствующая далеко не всем эрудитам. Небольшое свидетельство очевидцев о пытливости Ахмадулиной и её удивительной способности скрупулёзно «изучать предмет» находим в статье «“Столица сердца” Беллы Ахмадулиной». Владимир Коркунов интервьюирует героинь ахмадулинского цикла «Глубокий обморок». Одна из них так описывает первую встречу с Ахмадулиной: «“Ой, девчонки, вы откуда?” — запомнился Татьяна первый вопрос. “Из Кимр”, — отвечают. И тут же новый вопрос: “А где это?” <...> А после того как Татьяна Коростелёва привезла Ахмадулиной книги о Кимрах, именитая пациентка удивила сестер... “Она нам про наши Кимры больше рассказала, чем мы о себе знаем! — до сих пор удивляется Татьяна Быкова. — Как к нам икону везли, Иверскую Божью Матерь, несли её на руках...”» [Коркунов 2011]. В дальнейшем она использует это в своём цикле.

Запрокинув лицо в бесконечность, она предавалась тайнописи, не заботясь о том, по силам ли её писания читателю.

Главы из книги выходили в журналах «Дружба народов», «Интерпоэзия», «Нева», «Новый мир», «Филологический вестник» и др. Книга посвящена 80-летию со дня рождения Беллы Ахмадулиной. Выбор стихотворений делался из соображений того, насколько они являются ключевыми в рамках предложенного подхода. Поскольку главы книги основаны на статьях, некоторые повторения неизбежны, но избавиться от них крайне сложно, так как нарушается динамика повествования и логика развития доказательств.

В соответствии с названием книги её разделы выстраиваются вокруг метафоры таинственного, которая относится либо к конкретной дате, лёгшей в основу поэтического сюжета, либо к определённому пространству, в котором он разворачивается. Завершают книгу три эссе мемуарного характера, выдержанные в том же ключе, что и вся «Тайнопись».

За небольшим исключением произведения Беллы Ахмадулиной цитируются по полному собранию сочинений в одном томе (М.: Альфа-книга, 2012).

Автор выражает благодарность спонсорам проекта «Русское безрубежье» за участие в издании этой книги.